

Любовь и тайна

Читайте романы Татьяны Корсаковой

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Вечность, или Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Гостья, или Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Паломница, или Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденыш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний
Лунные драконы

Татьяна
Корсакова

Время
Черной
луны

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление *Е. Анисиной*

Иллюстрация на обложке *Е. Черновой*

Корсакова, Татьяна.
К69 **Время Черной луны : роман / Татьяна Корсакова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Любовь и тайна. Романы Татьяны Корсаковой).**

ISBN 978-5-521-87127-8

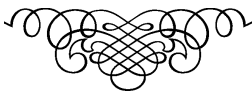
На груди у Лии пригрелся амулет — медный диск с полумесяцем в центре. Она носит его с самого детства, не догадываясь, какое влияние он оказывает на ее судьбу. Но в ее жизни уже начинают происходить события, объяснить которые с точки зрения здравого смысла невозможно, к тому же Лия иногда и сама не может вспомнить, что с ней происходило и почему она оказалась в том или ином месте. Неужели она — только кукла, которой управляет таинственный куловод?

Приближается полночь — время, чтобы наконец разобраться, кто твой друг, а кто враг, время, когда любовь и ненависть схлестнутся в смертельной схватке. Это время черной луны.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2017
© Чернова Е., иллюстрация
на обложке, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-521-87127-8

Белая глина плавится в руках: не сопротивляется, но и не помогает. Плохой материал, капризный, но зато самый надежный. Так сказал Оракул Оби. Оракул никогда не ошибается.

Времени мало. Время — дорогой товар. Вчера ты богач, а сегодня уже бедняк. Удары сердца провожают ускользающие секунды, но не могут замедлить их бег, а глина не слушается...

Все нужно сделать правильно. Вот так: тело тонкое и гибкое, длинная шея, маленькая голова, волосы...

Волосы белые и мягкие, как пух, — удивительные, настоящие. У Лунной девочки должны быть белые волосы. А глаза черные и блестящие — эбонитовые бусины подойдут.

Губы. Губы не так уж важны. Намного главнее родинка на подбородке, маленькая, похожая на полумесяц.

Глина забивается под ногти, липнет к ладоням. Руки из-за нее кажутся белыми, как у Лунной девочки. Их некогда мыть. Время — дорогой товар, его почти не осталось.

В ушах стук барабанов, стены комнаты то наваливаются, то отплывают, потолка больше нет —

вместо него полуслепая черная луна. Нет, еще не совсем черная, но уже опасная.

Духи злятся, торопят, звук барабанов заглушает их слабые голоса. Надо спешить.

Зубы впиваются в край красной, точно молодая кровь, ткани. Ткань трещит, в зубах остается неровный клочок — платье для Лунной девочки.

Вот так, завернуть в него куклу, поверх обмотать веревкой — виток, еще виток.

Эбонитовые глаза смотрят с укором. Кукла еще не живая, однако все понимает. Кукле не нравится то, что с ней делают. Нужно, чтобы она стала настоящей...

Барабаны звучат громче, в спину что-то врезается, взрывается в плоть, растворяется в теле. Перед глазами кровавый туман — духи бывают очень жестоки. Тем более когда времени мало. Главное — не сопротивляться...

Голова болит и кружится — это расплата за мощь духов. Цена, конечно, скромная, особенно для такого нелегкого дела.

Кукла теперь живая. Волосы — белый пух, глаза-бусины, родинка на подбородке, красное платье и, самое главное, амулет: медный диск с полумесяцем в центре, черный шнурок, змеей обвивающий тонкую шею.

Во рту горько и сухо, стены больше не качаются, и черная луна исчезла. Духи молчат — ждут.

Кукла сопротивляется, маленькие пальцы больно царапают кожу, оставляя на ней кровавые следы. Такие следы долго не заживают. Не надо бороться, Лунная девочка, все будет так, как задумано.

Сжать гибкое, горячее тельце в ладони, поднести к лицу. В эбонитовых глазах — ненависть пополам со страхом, в глиняной груди трепыхается

стеклянное сердце. Кукла уже живая, но еще не настоящая. Еще не вместилище...

— *Нарекаю тебя...* — *говорить больно, а время почти вышло.* — *Нарекаю тебя Лицей...*

— Ну-ка, что у нас тут? — Чужие лапы жадно шарят по телу, сжимают сначала грудь, потом горло. Дышать больно, кричать невозможно.

Сама виновата! Просидела полночи на работе, опоздала на последний автобус, пошла напрямиком — через пустырь...

А теперь эти лапы на горле, и смрадное дыхание — запах гниения и перега-ра...

Платье трещит и рвется по вороту. Платье жалко, еще совсем новое, почти ненадеванное, купленное на распродаже в самом настоящем бутике, по скидке, за смешные деньги...

— А это что за побрякушка? — Вонь усиливается, перед глазами появляется небритая рожа. У рожи мешки под глазами, во рту не хватает половины зубов. Корявый палец подныривает под кожаный шнурок, вытаскивает из-за пазухи медальон. — Эй, глянь, какая цацка!

Рядом с первой рожей возникает вторая, такая же жуткая. Даже хуже: одного глаза нет, а второй наполовину заплыл.

— Похоже, что золотая цацка-то. — В единственном глазу загорается алчный блеск.

Цацка не золотая, она это прекрасно знает, а вот сережки самой высокой, девяносто пятой пробы.

Попытаться, что ли, поторговаться: девичью честь в обмен на серьги?

— У-у-у! — Чтобы торговаться, нужно иметь возможность говорить, а она даже дышит с трудом. У нее, дуры непредусмотрительной, вообще нет никаких

возможностей. Газовый баллончик, и тот остался на рабочем столе. Получается — ни чести, ни сережек...

— Думаешь, золотая? Не уверен. — Циклоп всматривается в ее лицо, заскорузлая ладонь неторопливо скользит по волосам, запрокидывает голову. — А сережки точно...

От резкой боли на глаза наворачиваются слезы, изо рта вместе с облачком тумана вырывается крик, по шее течет что-то липкое и теплое.

— Не ори, коза. — Циклоп лыбится, прячет сорванные сережки в карман. — Рано кричать, ничего плохого-то с тобой еще и не случилось.

В его взгляде не алчность, а похоть.

Теперь ей по-настоящему страшно: до дрожи в коленях, до потрескивания электрических разрядов в волосах. Платье жалела, сережки... Себя надо было пожалеть, потому что эти двое одной лишь девичьей честью не ограничатся...

Господи, а она ведь и не жила-то толком! Двадцать семь — разве ж это возраст для смерти? Да еще такой: отвратительной, смрадной, неприкаянной...

— Чего смотришь на меня, коза?! Чего гипнотизируешь? — Одноглазая рожа совсем близко, от мерзкого запаха к горлу подкатывает тошнота, а где-то в животе скручивается тугой пружиной ярость.

Умереть на заброшенном пустыре от рук вонючих бомжей? Уши порваны, платье испорчено, и бедному телу скоро достанется... А у нее столько планов, и в жизни она еще ничего не видела, и мама без нее пропадет...

Ярость неконтролируема, словно где-то внутри выстреливает стальная пружина: ногти впиваются в ненавистную рожу, колено впечатывается в пах. Врешь — не возьмешь!

Дышать становится легче. Это потому, что ее ни-

кто больше не держит. Циклопу есть за что подержаться — с ударом она все верно рассчитала, — а его приятель, похоже, не до конца понимает, что происходит. Стоит, раскинул в стороны руки-грабли, матерится, но с места не двигается.

Бежать! Карт-бланш ненадолго. Еще пару секунд промедления — и наступит смерть, смрадная и неприкаянная.

Дыхание сбивается, в ушах шумит и щелкает, а в боку болит. Забеги на длинные дистанции не ее конек. Спринтерский рывок — это да, но не по бесконечному пустырю, не на высоких шпильках.

— Куда, сука?! — Голос совсем близко. Не помог карт-бланш.

Шипастый куст царапает щеку, цепляется за платье, тормозит, не пускает. Ничего, осталось несколько шагов. А царапины заживут, подумаешь — царапины.

Вот уже и спасительные огни многоэтажек. Огней немного, но они есть. Значит, кто-то не спит, и вопли ее услышат, если что. Еще чуть-чуть — и не будет никаких кустов, никакой торчащей из земли арматуры, никаких вонючих маргиналов. Только бы добежать...

— Стоять! — Каблук-предатель ломается, ноге больно, а в глазах — серебристый туман. «Чуть-чуть» не считается, недобежала...

Цепкие руки грубо хватают за платье.

— Стоять, я сказал...

Дернуться, заорать как можно громче, позвать на помощь. Вдруг повезет, ведь дома же рядом. Главное, на рожу эту мерзкую не смотреть, в глаз этот циклопий...

Получается: и заорать, и дернуться, и даже вырваться. Вот только убежать не выходит. Непослушное тело валится назад. Все из-за каблука...

Земля мягкая, а затылку почему-то больно. Острая

вспышка — и серебристый туман становится красным. В нем плавают звезды и черная луна. Звездам все равно, а луне любопытно. Она опускается все ниже и ниже, пока не превращается в одноглазую рожу...

— А девка-то того, кажись, окочурилась...

— Ну дык, денежки-то нам за то и уплочены...

Туман сгущается, в нем нет уже ни боли, ни звезд, ни луны, ни Циклопа. И ее, Лии, больше нет...

...Кукла, нареченная Лией, теперь не сопротивляется и даже не смотрит на него, своего мучителя. Глаза-бусины тусклые, от недавнего живого блеска не осталось и следа. Глиняная голова расколота, из трещины сочится кровь, окрашивает красным мягкие, как пух, волосы. Платье, порванное спереди и сзади, обвивает тонкие ножки грязными лохмотьями. Бедная кукла... Бедная Лунная девочка...

* * *

— Чего, Монгол, дрейфишь?! — Ленька Зубарев врезал носком ботинка по утопающей в кромешной темноте неприметной дверце.

Кто дрейфит? Нашли чем пугать бывалого! Он на Байкале на пятнадцатиметровую глубину погружался, с вертушки с парашютом прыгал аж шесть раз, на Кавказ в горы ходил в поход не абы какой, а пятой степени сложности, а тут такая ерунда — городской морг. И никакая это не проверка на смелость — он свою смелость уже давно кому требовалось доказал, — а самая обыкновенная глупость и мальчишеская бравада. Просто Зубарев, который в жизни своей ничего страшнее майской грозы не видывал, после пол-литры водки вдруг воззрился на него глазами,